

Проснувшись, Ваньи на мгновение растерялся.

Тело больше не казалось чужим или больным — лишь внизу живота теплилось мягкое, едва уловимое тепло. Он был уверен, что роль вместилища для «семени» обрекает его на медленную смерть, где его плоть послужит перегноем. Ваньи мысленно приготовился к иссушающей боли, готовый превратиться в безжизненную мумию, лишь бы до конца испытать эту чашу, и ни о чем не жалеть.

Но проросшее внутри зерно, послушное нраву самого Ми Юньцзиня, лишилось всякой агрессии. Оно затаилось в глубине, безмятежное, точно капля, скользящая в тихую озерную гладь. Расходящиеся круги угасли, оставив лишь безграничную, умиротворяющую нежность. Ваньи казалось даже, что это он сам — лишь малая капля, тогда как семя — великое, глубокое озеро.

Многолетние недуги отступили, показавшись мелкими и ничтожными перед бьющим ключом источником жизни. Ваньи сидел на постели, бессмысленно глядя перед собой. На тихий скрип открываемой двери он повернул голову, и в памяти на мгновение всплыли вчерашние картины — пугающе-странные и запредельно прекрасные.

Воспоминание растаяло быстро: воскресить те детали во всех подробностях было не под силу человеческому разуму. Стоило лишь попытаться разглядеть в мыслях переплетения ветвей, как на грудь опускалась неподъемная тяжесть, а сердце заходило в бешеном ритме, лишая дыхания.

Ми Юньцзинь присел на край постели. Осторожно прижав ладонь к его животу, он спросил:

— Болит?

Ваньи заворуженно смотрел на него.

— Нет, — выдохнул он.

На Ми Юньцзине была чужая одежда — черная рубашка и темные брюки Ваньи. На контрасте с глухим темным шелком его безупречно белая кожа и пламенеющий бутон на шее казались вызывающе яркими. Но в лице Юньцзиня сквозила непривычная бледность. Будто отдав половину своей жизненной силы, он носил на своем прекрасном лице тень скорого увядания.

Ваньи смотрел на него потемневшим взором. Горло перехватило, пальцы невольно дернулись, приподнимаясь.

«Неужели теперь он станет таким же, как я? Неужели мы вместе разделим смерть?»

Встретившись с мягким взглядом Юньцзиня, Ваньи поспешно отвел глаза, и его рука безвольно

опустилась на покрывало. В глубине чужих зрачков он успел разглядеть собственное отражение — искаженное гримасой лицо.

Каким же ничтожным и уродливым он себе казался.

Долгое неподвижное лежание дало о себе знать: тело онемело и почти утратило способность двигаться. Ваньи чувствовал себя парализованным калекой, для которого простое усилие подняться становилось невыполнимой задачей. Однако прежней ярости и бессильного бешенства он больше не испытывал. Он смирился с неизбежным, словно натянув на лицо маску холодного равнодушия.

Ваньи сидел в инвалидном кресле посреди залитого солнцем сада, глядя на Ми Юньцзиня, хлопотавшего в цветнике. Длинная, искусно заплетенная коса скользила по лепесткам, и ее алый шелковый кончик сливался с бутонами так тесно, что трудно было понять, чья краска сочнее — живых цветов или чужих волос.

Закатав рукава рубашки, Ми Юньцзинь неторопливо подрезал стебли. Вокруг его рук кружили пестрые бабочки, а полуденное солнце расставляло золотые блики на его плечах. Среди этого благоухающего великолепного сада он выглядел шедевром, неподвластным кисти даже самого одаренного мастера.

Умиротворение, которое прежде ускользало от Ваньи, вновь мягко опустилось ему на плечи, возвращая яркие цвета в потемневшие глаза. Но эта красота оставалась лишь внешним напылением, не способным растопить лед в глубине его души.

Ваньи пристально всматривался в него, не понимая, как человек, стоящий на пороге небытия, может оставаться настолько безразличным к своей участи. Этот вопрос сделался для него неразрешимым внутренним противоречием. Невозмутимость Юньцзиня выставляла его собственную ярость притворством, а чужая безмятежность превращала его скорбь в пустую актерскую игру.

Глядя на освещенное солнцем лицо, Ваньи почувствовал, как в темноте его разума зарождается уродливая, зловещая мысль. Что, если вся эта кротость — лишь искусная фальшь? Что, если нежность и всепрощение — такой же призрачный мираж, как и его неземная красота? Вдруг и сладкие сказки лживы, а путники, сгинувшие в песках, давно истлели в земле после того, как этот прекрасный монстр сожрал их плоть и выпил кровь? Сладкая легенда, за которой скрывается кошмарное, сочащееся кровью безумие.

Тень легла на осунувшееся лицо Ваньи, а взгляд сделался темным и бездонным. Внутри него klokотал грязный, извращенный поток эмоций. Ему казалось, что если мысленно низвести Юньцзиня до своего уровня, сотворить из него такого же эгоистичного и подлого ублюдка, то на душе станет легче. Эта извращенная мысль приносила болезненное, пьянящее удовольствие. Она оправдывала его безумную, пугающую радость.

«Если ты такое же чудовище, то нам самое место в одной могиле. Сгорим вместе»

— Тебе нравится?

Перед его лицом вдруг вырос свежий, сочащийся влагой алый бутон. Ваньи вздрогнул, на мгновение лишившись дара речи. Вся скопившаяся в душе гниль мгновенно осыпалась пеплом. Стоявший против солнца Юньцзинь казался ослепительным — точь-в-точь как в тот день, когда впервые протянул ему руку посреди выжженной пустыни. Из-за яркого света лица было не разглядеть, но тепло весеннего дня проникло в самые темные, затхлые уголки израненного разума.

Ваньи на мгновение замер, но быстро взял себя в руки, гася вспыхнувший в глазах огонек. Он медленно опустил взгляд на бутон и промолчал. Юньцзинь, не дожидаясь ответа, ловким движением устроил цветок в нагрудном кармане его рубашки.

— Пора обедать, — ласково произнес он и покатил кресло к дому.

В его легком тоне сквозило такое безмятежное спокойствие, словно все тяготы мира были не более чем пустяком.

Ваньи неосознанно расслабился. Опустив голову, он заворожено уставился на бутон. На фоне белого хлопка ярко-красный цветок казался раной, расцветшей прямо над его сердцем.

Ваньи редко всматривался в обстановку этой виллы. Он приобрел ее лишь ради уединения, спасаясь от невыносимого человеческого гула. Его никогда не волновало, насколько глухим и заброшенным был этот угол, ведь сам он мало чем отличался от бесплотной пыли в пустых комнатах.

Но теперь светлая гостиная и безупречно чистый стол словно разгоняли скопившийся в душе мрак. Ваньи невольно вспомнил разбитую тарелку с кашей, которую он в ярости смахнул на пол, и ободранную щиколотку. Проснувшись в тот день, он обнаружил на ране аккуратную повязку.

Никто не знал, в какой момент Юньцзинь заходил к нему, да и сам Ваньи не понимал, отчего спал днем так крепко. Прошло всего несколько дней, и легкая ссадина затянулась, бесследно исчезнув.

«Неужели и я смогу избавиться от шрамов на душе и начать все сначала, как эта зажившая рана?»

От этой нелепой, детской мысли Ваньи хрипло усмехнулся. Какая глупая, наивная вера в чудо.

Он убрал с лица всякое выражение, тупо уставившись перед собой. Внезапно перед ним появилась глубокая пиала с ароматным супом. Ваньки вскинул голову и обомлел: Юньцзинь аккуратно повязывал вокруг его шеи тканевый слюнявчик.

Все философские блуждания разума мгновенно улетучились. Ваньки застыл, не зная, злиться ему на такое обращение или сгорать от унижения.

— Мне это не нужно, — буркнул он, пытаясь отвернуться, но Юньцзинь мягко, но настойчиво придержил его за подбородок, возвращая на место.

— Так ты не испачкаешь одежду.

Завязав сзади аккуратный бант, Юньцзинь взял его за руку и осторожно вложил в ладонь ложку.

Почувствовав совсем близко чужое тепло, Ваньки замер и незаметно поджал губы. Юньцзинь с самым будничным видом присел рядом, оставив для себя лишь чашку чая.

Ваньки долго настраивался, прежде чем сделать попытку поднять непослушную, затекшую руку. Простое движение далось с огромным трудом. Разум и тело словно существовали раздельно: он почти не чувствовал пальцев и с трудом направлял их. И все же, сделав над собой нечеловеческое усилие, он заставил руку подняться и лечь на столешницу. После этого он незаметно перевел дух.

Зажав в кулаке ложку, он медленно, преодолевая сопротивление мышц, попытался зачерпнуть бульон. Задача оказалась почти невыполнимой: пиала опасно качнулась, едва не перевернувшись. Кое-как набрав полную ложку, он понес ее к губам, но пальцы задрожали так сильно, что бульон расплескался, заливая чистую столешницу. Ваньки застыл, тупо глядя на собственную руку, словно превратившись в каменное изваяние.

Система 7008 сочувственно следила за подопечным, мысленно вздыхая. Юньцзинь не вмешивался — он лишь терпеливо и молча сидел рядом, не сводя с него спокойного, поддерживающего взгляда.

Спустя минуту Ваньки прикрыл глаза, сделал глубокий вдох и снова опустил ложку в пиалу. На этот раз движение вышло плавнее, и ему почти удалось донести еду до рта. Но стоило ему приоткрыть рот, как пальцы вновь свело мелкой, неуправляемой дрожью. Рука ослабла, ложка вильнула, и теплая жидкость пролилась на лицо, закапав подбородок. Очередной провал.

В столовой воцарилась удушливая тишина. Даже система 7008 замерла, с опаской наблюдая за выражением его лица. Для взрослого, некогда сильного мужчины подобная немощь была невыносимым, гнетущим унижением.

Взгляд Ваньки сделался колючим и мрачным. Он стиснул ложку с такой силой, что синие вены на тыльной стороне ладони натянулись, готовые прорвать истонченную кожу. Он неотрывно смотрел на пиалу, до боли закусив губу.

Воздух в комнате словно сгустился, дышать становилось все труднее. Ванька предпринял еще одну отчаянную попытку, но от растущего напряжения его руку затрясло еще сильнее. Ложка с силой ударила по краю посуды. Пиала покатилась, и сладковатый бульон хлынул на стол, стекая по краю прямо ему на брюки.

После секундного оцепенения Ванька не выдержал: диким, резким движением он смахнул посуду со стола. Глухой удар разорвал тишину, и без того тяжелая атмосфера мгновенно остыла до предела. Склонив голову, он мелко, судорожно дрожал. Пальцы наконец разжались, ложка со звоном полетела на пол и раскололась на куски.

В глухой тишине он зажмурился. Волна ярости и бессильного отчаяния накрыла его с головой.

«Зачем я вообще это делаю? Мне никто не поможет, никто не спасет, и ничего уже не изменить!»

Послышался тихий шорох отодвигаемого стула. Ванька открыл глаза, но остался сидеть неподвижно, словно безжизненный манекен. Спустя мгновение Юньцинзнь снова был рядом. Он бережно взял его дрожащую руку, стирая влажные потеки салфеткой, а затем опустился на колени, чтобы вытереть промокшую ткань его брюк.

Ванька замер, невольно приоткрыв рот. В полном оцепенении он лишь провожал взглядом руки Юньцинзня, не в силах проронить ни звука.

— Нужно сменить брюки, — спокойно предложил Юньцинзнь, подняв на него глаза.

Ванька судорожно вздохнул. В его опустевшей груди защемило с такой силой, что дышать стало больно. Он по-прежнему мелко дрожал, содрогаясь от пережитого стыда за свою слабость.

— Хорошо, — хрипло выдавил он, сжимая кулаки в бесплодной попытке унять дрожь.

Юньцинзнь наклонился и без труда поднял его на руки, не обращая внимания на мокрые пятна. Уткнувшись лбом в плечо Юньцинзня, Ванька почувствовал, как лепестки цветка на его груди едва заметно колыхнулись.

Когда его опустили на матрас, спина потеряла опору, и он начал заваливаться навзничь. Ванька испуганно приоткрыл рот, и с губ сорвался тихий зов:

— Юньцинъ...

Гибкая рука тут же обхватила его за талию. Раздался едва слышный смешок, и Ваньки помогли устроиться поудобнее у изголовья, подложив под поясницу подушку. Ощувив опору, он упрямо сжал губы и замер, вглядываясь в чужое лицо. Юньцинъ улыбался — как делал всегда, будто ничего страшного не произошло.

Ваньки отчаянно пытался подавить вспышку бессильной злобы, желая выглядеть нормальным человеком, а не истеричным калекой. С силой сжав онемевшие пальцы, он заставил себя выдавить:

— Я...

— Ничего страшного, — ласково перебил его Юньцинъ.

Ваньки сглотнул подступивший к горлу ком и проводил взглядом его широкую спину.

«Действительно ли ничего страшного? Ему правда все равно? Все равно, что я превратился в никчемную обузу? Что я веду себя как озлобленный, безумный калека? А если... если я захочу большего? Если я пожелаю привязать его к себе до самого последнего вдоха, не отпуская даже в могилу — это тоже будет "ничего страшного"?»

Когда Юньцинъ повернулся обратно, Ваньки торопливо отвел глаза, скрывая за ресницами лихорадочный, болезненный блеск собственнической жажды.

Внезапно кожу обдало прохладой. Ваньки вздрогнул и дернулся, инстинктивно пытаясь прикрыться руками, но куда его немощному телу было соревноваться в ловкости с Юньцинем. Прежде чем он успел приподнять руки, вымокшая ткань уже скользнула вниз.

Поймав его возмущенный взгляд и заметив, как густо покраснели кончики ушей, Юньцинъ с улыбкой заметил:

— Вообще-то, утренние брюки на тебя надевал тоже я.

Пальцы Ваньки бессильно опустились на простыню. Он отвернулся к стене, не проронив ни звука.

Глядя на качающиеся за стеклом ветви деревьев и цветущие под солнцем розы, он вдруг отчетливо осознал: Юньцинъ ведь не просто помогал ему одеваться. Он брил его, умывал, обтирал его немощное тело... Ваньки не помнил, как долго это продолжалось. Пребывая в полузабытьи, он совершенно потерял связь с реальностью. Сколько же прошло времени? День? Два? Неделя? Или гораздо больше?

Дыхание его замерло, взгляд остекленел, а в груди вновь зашевелилась давешняя пугающая жажда.

«Как долго он пробудет со мной? Умрет ли он раньше меня?»

Перед мысленным взором стояли лишь тонкие черты Юньцзиня и его красивые, безупречно чистые руки.

Легкое прикосновение к бедру заставило его вздрогнуть и очнуться от раздумий.

— Белье сухое, менять не нужно, — донесся спокойный голос.

Ресницы Ваньи мелко дрогнули. Он перевел взгляд на платяной шкаф, стараясь не смотреть на мужчину. Юньцзинь мягко взглянул на него. Не выдержав этого взора, Ваньи опустил глаза к полу.

— Ладно, — выдохнул он.

В следующий миг его снова легко приподняли. Ваньи охнул от неожиданности, вскинул глаза и обнаружил, что сидит прямо на коленях Юньцзиня. Свежие сухие брюки уже были натянуты до пояса, и тонкие пальцы быстро застегивали пуговицу.

Глядя на четко очерченный профиль Юньцзиня и его влажные губы, Ваньи сглотнул подступивший ком и торопливо отвел взгляд. Но легкий, едва уловимый аромат, исходящий от тела Юньцзиня, заполнил все его легкие, окутывая с ног до головы. Ваньи крепко вцепился пальцами в подол его рубашки. В глубине сознания билась хмельная мысль, что он и сам уже пахнет точно так же.

Ваньи слишком сильно исхудал: пояс брюк сидел мешковато, сползая на тазовые кости. Бледная кожа истончилась и казалась уязвимой — от малейшего неловкого нажатия на ней проступали синеватые следы. Забывшись, он не заметил, как Юньцзинь на мгновение замер, разглядывая его острые бедра, но тут же взял кожаный ремень и привычным жестом затянул его на поясе.

Юньцзинь обхватил его сзади за талию, бережно расправляя складки на рубашке. Как бы сильно ни иссушил недуг это тело, усилиями Юньцзиня Ваньи всегда оставался безупречно чистым и ухоженным.

— Пойдем обедать, — тихо проговорил Юньцзинь у самого его уха.

Ваньи медленно повернул голову, всматриваясь в его лицо.

— Хорошо, — выдохнул он.

Когда они проходили мимо зеркального шкафа, взгляд Ваньки наткнулся на собственное отражение — изнуренное, с торчащими ключицами и серым лицом. Он поспешно опустил веки, скрывая за ресницами глухую тоску.

Тонкие изумрудные лозы беззвучно выскользнули из углов, утягивая за собой осколки посуды и пролитый суп. Ванька зачарованно следил за их скольжением: гибкие стебли поднялись по спицам колес, обвили подлокотники и укрыли всю металлическую раму кресла живым травяным ковром.

Юньцзинь вложил в его пальцы легкую ложку из светлого дерева, а перед ним поставил такую же деревянную пиалу. Ванька почувствовал себя маленьким ребенком, которого оберегают от любой неосторожности.

Он поджал губы и, уставившись в стол, тихо произнес:

— Я больше не буду бить посуду.

— Ничего страшного, — отозвался Юньцзинь, устраиваясь рядом. — Из деревянной посуды есть удобнее, она не разобьется.

В груди Ваньки что-то горячо сжалось, готовое вот-вот разорвать ребра. Сделав глубокий вдох, он упрямо заставил свою онемевшую руку подняться. Юньцзинь неторопливо потягивал чай, провожая каждое его движение ровным, спокойным взглядом.

Система 7008 затаила дыхание, мысленно подбадривая подопечного:

[Давай же, у тебя все получится!]

Простое движение — положить руку на стол — заняло бесконечно много времени. Когда же он попытался сжать пальцы на ложке, всю руку заколотило крупной, неуправляемой дрожью. Он упрямо стиснул зубы, ведя безмолвную войну с собственным немощным телом.

Бульон выплеснулся.

Ванька закрыл глаза, заставляя себя медленно дышать. Ткань на коленях снова намочила. Он лишь крепче сжал ложку, так что синие вены на запястье натянулись струнами. Больше никакой ярости. Никаких безумных истерик.

Одному богу известно, сколько времени ушло на эту попытку, но, несмотря на дикую скованность суставов, он справился. Сладковатый бульон показался ему самым вкусным, что он когда-либо пробовал. Ваньки повернулся к Юньцзиню. В его потемневших глазах затеплился крошечный, едва заметный огонек — слабая, детская надежда, которой он сам не отдавал отчета. Эта робкая радость была настолько хрупкой и беззащитной, что у системы 7008 защемило в виртуальном сердце. Ей нестерпимо захотелось погладить Ваньки по голове и сказать, какой он молодец.

— Ты отлично справляешься, — Юньцзинь отставил пиалу с чаем и мягко улыбнулся.

Поняв, как глупо, должно быть, выглядит со стороны, Ваньки поспешно отвел глаза и уставился в деревянную пиалу. В глянцевой поверхности бульона дрожало его собственное отражение: порозовевшие щеки, растерянный взгляд и едва заметная, непривычно мягкая улыбка.

Зеленый побег за его спиной осторожно потянулся вперед и мягко, словно утешая, коснулся его волос.

Ночь опустилась на поместье, залив спальню призрачным лунным светом. Ваньки открыл глаза. Днем он сам не заметил, как заснул, пригревшись на плече Юньцзиня. В памяти осталась лишь тупая, тянущая боль внизу живота — будто в самой глубине его плоти пускало корни упрямое живое зерно.

Он повернул голову и увидел Юньцзиня, стоявшего у окна.

— Проснулся? — тихо спросил тот, поворачиваясь на шорох постели.

— Да, — прошептал он, попытавшись сесть, но руки и ноги снова сделались ватными.

Юньцзинь бесшумно подошел к кровати. Опустив прохладную ладонь на его живот, он спросил:

— Сильно болит?

Ваньки посмотрел в его темные глаза, собираясь сказать, что все в порядке, как вдруг внизу живота вспыхнул нестерпимый, распирающий жар. Он резко опустил взгляд и онемел от ужаса: прямо из его пупка медленно проклевывался нежно-зеленый, тугой росток.

От этой фантастической картины у Ваньки пропал голос. Казалось, само пространство вокруг них в одну секунду сделалось зыбким и нереальным.

— А-ах... — Ваньки запрокинул голову, не в силах сдержать тихий, надрывный стон.

Он не видел, что скрытое тканью брюк клеймо внизу живота начало слабо светиться. Золотистые, похожие на капилляры нити пульсировали, отдавая жизненные соки его тела упрямому ростку. Мерцающие контуры этого узора точь-в-точь повторяли очертания бутона, расцветшего на шее Юньцзиня.

Пальцы Юньцзиня мягко, но крепко обхватили его подбородок, заставляя поднять голову. Вань испуганно распахнул глаза, когда чужое лицо приблизилось вплотную. Губы Юньцзиня накрыли его рот. Горячее дыхание опалило щеки, влажный, мягкий язык легко разомкнул его зубы, проникая в самую глубину.

Вань впервые чувствовал его поцелуй, находясь в полном сознании. Но нет... это был не поцелуй.

В его рот хлынула прохладная, приторно-сладкая жидкость, похожая на цветочный нектар. Горло судорожно сжалось, заставляя Вань глотать без остановки. Кадык ходил ходуном. Избыток влаги стекал по подбородку, но Юньцзинь бережно слизывал капли, не давая пропасть ни единой частице драгоценного сока. В безмолвии ночной спальни отчетливо раздавались лишь эти жадные, влажные глотки.

Резь в животе утихла, а удушающая слабость сменилась чистой, прохладной свежестью, разлившейся по сосудам. Вань не знал, что прорастающий побег должен был безжалостно питаться его плотью. Как носитель семени, он был обречен на невыносимые муки увядания, пока паразит полностью не высосал бы его изнутри. Но сейчас всю эту боль и истощение без остатка забирал себе Юньцзинь.

Кадык Юньцзиня дернулся. Сглотнув скопившуюся во рту сладкую, с явной примесью крови влагу, он медленно отстранился.

Вань сделал последний глоток. Измученный разум не позволил ему уловить, что вкус у нектара в этот раз был другим — с привкусом железа. Он во все глаза смотрел на мужчину. Взор Юньцзиня оставался прежним: чистым, безмятежным, лишенным и тени корысти или похоти.

Сладостное наваждение мгновенно рассеялось, унесенное прохладным ветром из приоткрытого окна. Юньцзинь натянул одеяло ему до самых плеч.

— Засыпай, — тихо проговорил он. — Пусть тебе приснится хороший сон.

Он развернулся и бесшумно скрылся за дверью.

Едва щелкнул замок, Юньцзинь прижал ладонь к губам, не в силах сдержать тихий, сухой кашель.

Ваньки долго не сводил глаз с темного дверного проема, и лишь когда шаги в коридоре затихли, медленно опустил голову на подушку.

Зеленый побег бесследно исчез. Пропали и резь, и тяжесть, а застарелый недуг, годами терзавший его тело, словно притаился. Он лежал в глубокой темноте, тупо глядя в пустоту перед собой, а затем медленно поднял руку и коснулся пальцами своих губ, еще хранивших прохладу чужого поцелуя.

Время шло, и Ваньки медленно, но верно шел на поправку. Настал день, когда он сумел самостоятельно подняться на ноги. Держась за стену, он делал неуверенные, жесткие шаги, упрямо продвигаясь к выходу на веранду.

Снаружи шумел залитый солнцем сад. Деревья манили прохладной тенью, а клумбы буквально взрывались буйством красок. Стоило Ваньки сделать шаг за порог, как его накрыло этой мощной, торжествующей волной жизни. Уголки его губ дрогнули в робкой улыбке. Прикрыв глаза, он замер под ласковыми лучами полуденного солнца.

Когда уходит внутреннее сопротивление, принимать дары судьбы оказывается на удивление легко. Со временем унылая черно-белая палитра его существования начала расцветать сочными красками. Ваньки открыл глаза, и весь этот пестрый мир сузился до одного силуэта.

Юньцзинь стоял под раскидистой кроной дерева. Свободная белая рубашка казалась ослепительной в лучах солнца, а весь его облик словно светился изнутри мягким, теплым сиянием. Почувствовав чужое присутствие, Юньцзинь обернулся. Ваньки поспешно опустил голову, делая вид, будто увлеченно разглядывает носки своих туфель.

Спустя секунду Юньцзинь уже направлялся к нему. Ваньки стоял, опустив голову, и лишь его пальцы крепче сжали дверной косяк. Внутри бесшумно разлилось странное, почти болезненное удовлетворение.

«Стоит мне только посмотреть на него — и он бросает все, идет ко мне, где бы ни находился»

Эта безмолвная нежность и потакание любым капризам подкармливали его собственническую жажду, которая с каждым днем росла, грозя перехлестнуть через край.

— Прогуляемся? — нежный, певучий голос раздался совсем близко.

Ваньки поднял глаза и посмотрел на протянутую к нему ладонь. Обитавший в его душе зверь алчности оскалил зубы, требуя забрать это тепло навсегда.

Медленно, боясь спугнуть мгновение, он поднял руку и вложил свои пальцы в теплую ладонь

Юньцзиня.

— Пойдем, — прошептал он.

Яркое солнце ворвалось в его глаза, отражаясь на самом дне чистыми бликами. Юньцзинь мягко улыбнулся и крепко сжал его руку, увлекая за собой наружу.

Ваньи шел очень медленно, с трудом волоча ноги. Но это было неважно. Юньцзинь терпеливо подстраивался под его темп, не пытаясь торопить.

Ваньи смотрел на залитую светом аллею сквозь пелену выступивших слез. Ему казалось, что он наконец-то проснулся от кошмара и попал в бесконечно прекрасный, расцвеченный всеми красками мир.

<http://bllate.org/book/20309/2208773>